

4. Преимущества в результате ликвидации гендерного разрыва

Многие исследования указывают на то, что урожайность на земельных участках под управлением женщин ниже, чем на участках под управлением мужчин. Это происходит не оттого, что женщины худшие фермеры, чем мужчины. В действительности, обширные данные свидетельствуют о том, что женщины хозяйствуют столь же эффективно, что и мужчины. У них просто нет доступа к тем же производственным ресурсам. Если бы они имели такой доступ, они бы получали такие же урожаи, что и мужчины. Они бы производили больше продуктов, и общий объем сельскохозяйственного производства увеличился бы.

Взаимосвязь между гендерным неравенством и сельскохозяйственной производительностью может быть рассмотрена с помощью использования Индекса социальных институтов и гендерного неравенства ОЭСР (СИГН) (OECD, 2010). Индекс СИГН отражает социальные и правовые нормы, такие как права собственности, брачные традиции и социальные свободы, которые сказываются на экономическом развитии женщин. Снижение СИГН указывает на более низкие уровни гендерной дискриминации. В странах с более низкими уровнями гендерного неравенства, как правило, достигается более высокая средняя урожайность зерновых, чем в странах с более высокими уровнями неравенства (рисунок 16). Конечно же, эта взаимосвязь показывает лишь корреляцию, а не причинно-следственные связи, и направленность причинно-следственных связей может идти в любом направлении (или в обоих направлениях). Другими словами, в более равноправных обществах сельское хозяйство, как правило, более продуктивно, однако более продуктивное сельское хозяйство может способствовать сокращению гендерного неравенства.

Рассмотренные ниже исследования подтверждают, что ликвидация гендерного разрыва в сельском хозяйстве может повысить сельскохозяйственную производительность, а также принести важные дополнительные

преимущества за счет повышения доходов женщин-фермеров, повышения наличия продовольствия и сокращения цен на продукты питания наряду с повышением занятости и реальной заработной платы женщин.

Производительность мужчин-фермеров и женщин-фермеров

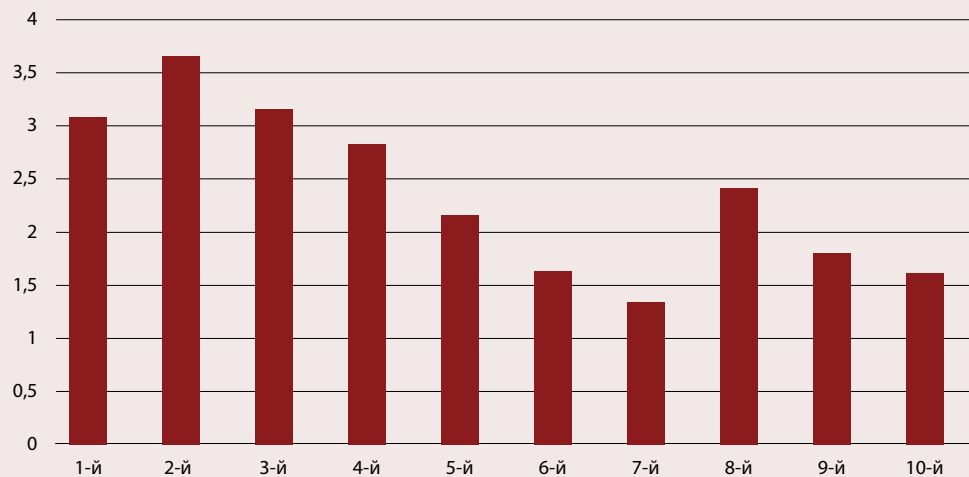
Во многих исследованиях делается попытка оценить, является ли деятельность женщин-фермеров столь же производительной, что и деятельность мужчин-фермеров. В этих исследованиях производительность измеряется самыми разными способами, однако чаще всего встречается метод, основанный на объеме продукции с гектара земли или урожайности. Если просто сравнить урожайность на фермах мужчин и женщин, то можно увидеть различия между этими двумя группами - как правило, женщины добиваются меньшей урожайности, чем мужчины, - но это не объясняет причины. Самые детальные исследования также пытаются определить, вызваны ли эти различия разницей в использовании производственных ресурсов, таких как усовершенствованные семена, удобрения и орудия труда, или это объясняется другими факторами, такими как доступ к службам распространения знаний и опыта и образованию. В подавляющем большинстве этой литературы подтверждается, что женщины ведут хозяйство столь же эффективно, что и мужчины, и достигали бы той же урожайности, если бы у них был равный доступ к производительным ресурсам и услугам.

В результате тщательного библиографического поиска удалось выявить 27 исследований, в которых сравнивается производительность фермеров-мужчин и фермеров-женщин¹⁰. Эти исследования охватывают широкий диапазон стран (главным образом, но не

¹⁰ Более подробный обзор этой библиографии см. в Quisumbing (1996) and Peterman, Quisumbing and Behrman (2010).

ДИАГРАММА 16
Урожайность зерновых и гендерное неравенство

Урожайность зерновых (т/га)

Группа ИСИГ: Первый = наименьшее гендерное неравенство по 10 = наибольшее гендерное неравенство

Примечания: Гендерное неравенство - показатель, используемый индексом социальных институтов и гендера (ИСИГ), совокупным показателем гендерной дискриминации на основе социальных институтов, рассчитываемый Центром развития ОЭСР.

Источники: Урожайность зерновых: FAO, 2010b; группа ИСИГ: ОЭСР, 2010.

исключительно в Африке), культур, отрезков времени и систем ведения сельского хозяйства, а также используют различные критерии определения производительности и эффективности. Несмотря на такую вариативность, в большинстве исследований делается вывод о том, что мужчины-фермеры добиваются более высоких урожаев, чем женщины-фермеры. По оценкам, разница в урожайности широко варьируется, однако многие показатели составляют порядка 25-30%, а средний показатель - 25%¹¹.

В большинстве исследований делается вывод, что различия в урожайности объясняются различием в уровне производственных ресурсов, из чего вытекает, что перераспределение производственных ресурсов с мужских на женские участки может повысить общую отдачу домохозяйств. А в ряде исследований это с очевидностью доказывается. Поскольку вся эта литература является сложной и несколько противоречивой, ниже приводится ее резюме.

¹¹ Не во всех из этих 27 исследований дается количественная характеристика разницы в урожайности. В некоторых из них дается оценка по одной культуре, а другие охватывают несколько культур.

Одно из наиболее влиятельных исследований в этой области было проведено в Буркина-Фасо. Авторы сравнили 4 700 сельскохозяйственных участков в 6 деревнях. За исключением собственного труда, на участках, контролируемых женщинами, использовалось меньше всех других производственных ресурсов: труда мужчин и детей, тяглового скота и органических и химических удобрений. Урожайность у женщин была ниже, чем у мужчин по разным культурам - на 20% ниже по овощам и на 40% ниже по сорго, - однако разница объясняется исключительно более низким уровнем использования ими производственных ресурсов, что в свою очередь являлось результатом социальных норм, связанных с гендерными факторами. По оценкам авторов, увеличение использования производственных ресурсов на участках женщин может повысить общую отдачу на 10–20% (Udry *et al.*, 1995). Дополнительный анализ тех же данных показал, что общая производительность домашних хозяйств могла бы быть почти на 6% выше, если бы ресурсы были перенаправлены на участки женщин (Udry, 1996).

Два дополнительных исследования из Буркина-Фасо дают возможность лучше понять эти вопросы. В первом исследовании

делается вывод о том, что стоимостная отдача с гектара, которой добились женщины-фермеры, была на 15% ниже, чем та, которой добились мужчины-фермеры. Также оказалось, что для того чтобы добиться повышения урожайности, женщинам-фермерам нужны консультации женщин-сотрудников по распространению знаний и опыта, а не просто дополнительные производственные ресурсы. Это подтверждает взаимодополняемость широкого круга факторов и услуг, необходимых для сельскохозяйственного производства (Bindlish, Evenson and Gbetibouo, 1993). Во втором исследовании была сделана переоценка данных исследования Udry (1996), и оно было дополнено более свежими представительными данными на национальном уровне. Оказалось, что домохозяйства, расположенные в менее благоприятных производственных зонах или в засушливых областях, как правило, распределяют ресурсы между участками, управляемыми мужчинами и управляемыми женщинами, более эффективно, чем те домохозяйства, которые находятся в более благоприятных районах, возможно, из-за того, что для них более высока опасность, связанная с неэффективным ведением хозяйства (Akresh, 2008).

Исследования в горных районах Эфиопии обнаружили, что в домохозяйствах, возглавляемых женщинами, производительность с гектара была на 35% ниже в стоимостном выражении, чем производительность домохозяйств, возглавляемых мужчинами, но различия были обусловлены более низким уровнем использования производственных ресурсов и доступа к службам, занимающимся распространением знаний и опыта, для женщин-фермеров (Tiruneh *et al.*, 2001). В том же регионе урожайность ячменя и других зерновых оказалась на 50% выше на фермах под управлением мужчин, поскольку фермы под управлением домохозяйств, возглавляемых женщинами, располагали всего лишь половиной мужской рабочей силы и имели менее трети количества тяглового скота (Holden, Shiferaw and Pender, 2001).

Выяснилось, что женщины в Гане были столь же успешны, что и мужчины, в производстве кукурузы и маниоки, но они получали более низкие урожаи и прибыль, поскольку не могли поддерживать плодородие почвы на своих землях (Goldstein and Udry, 2008). Люди, находящиеся в неблагоприятном положении в рамках социальных и политических

сетей своих деревень – каковыми являются многие женщины, возглавляющие домашние хозяйства, – имеют большую вероятность оказаться в ситуации, когда их земли экспроприируются, если они их оставят под паром, поэтому они стремятся их непрерывно обрабатывать, что ведет к снижению плодородия почвы (Goldstein and Udry, 2008). Несколько проведенных в Гане исследований также подтверждают, что производящие какао мужчины и женщины получают одинаковые урожаи при использовании одинаковых производственных ресурсов (Quisumbing and Otsuka, 2001b; Hill and Vigneri, 2009).

Мужчины, выращивающие кукурузу, бобовые и кормовой горох в Кении, добиваются более высокой валовой стоимости своей продукции в расчете на гектар, чем женщины, но эта разница объясняется различиями в использовании производственных ресурсов (Saito, Mekonnen and Spurling, 1994). В Западной Кении оказалось, что урожайность в домохозяйствах, возглавляемых женщинами, на 23% ниже, чем в домохозяйствах, возглавляемых мужчинами, но эта разница возникла в результате менее надежного доступа к земле и более низкого уровня образования (Alene *et al.*, 2008). Более раннее исследование мелких фермерских хозяйств в Западной Кении показало, что урожаи кукурузы у женщин были на 16% ниже, чем у мужчин, в основном потому, что они использовали значительно меньше удобрений (Ongaro, 1990).

Репрезентативное исследование на национальном уровне в Малави показало, что урожайность кукурузы на участках мужчин была на 12–19% выше, но, получив то же количество удобрений для использования на экспериментальных участках, женщины добивались той же урожайности (Gilbert, Sakala and Benson, 2002).

В Нигерии были получены многочисленные данные по широкому спектру сельскохозяйственных культур в нескольких штатах. В штате Ойо фермеры-мужчины и фермеры-женщины, выращивающие кукурузу, батат, маниоку, овощи и бобовые культуры, добивались одинаковой производительности (Adeleke *et al.*, 2008). Урожаи, полученные женщинами-производителями риса в штате Осуна, были на 66% ниже, чем у мужчин-фермеров, но эта разница была обусловлена различиями в использовании производственных ресурсов (Oladeebo and Fajuyigbe, 2007). Аналогичным образом, в штатах Ондо и Огун мелкие фермеры-женщины, выращивающие маниоку, получали

более низкий урожай и меньший доход, чем их коллеги-мужчины, потому что они меньше использовали производственные ресурсы и приобретали производственные ресурсы более низкого качества или по более высокой цене (Timothy and Adeoti, 2006).

Подавляющее большинство дополнительных исследований в странах Африки, расположенных к югу от Сахары, - в Камеруне (Kumase, Bisseleua and Klasen, 2008), Бенине (Kinkingninhou-Mêdagbé *et al.*, 2010), Кот-д'Ивуаре (Adesina and Djato, 1997) и Зимбабве (Horrell and Krishnan, 2009) - также поддерживают вывод о том, что различия между мужчинами и женщинами в урожайности фермерских полей, прежде всего, обусловлены различиями в доступе к ресурсам и службам распространения знаний и опыта¹².

Данные из других регионов встречаются относительно редко, так как там реже, чем в Африке, проводится разделение данных о сельскохозяйственной деятельности по признаку пола, но существующие исследования в целом подтверждают вывод о том, что деятельность женщин-фермеров, по крайней мере, столь же эффективна, что и деятельность их коллег-мужчин. Например, стоимостная отдача с гектара на управляемых женщинами фермах в Непале, была меньше, чем на фермах, управляемых мужчинами, но почти все различия объясняются более низким использованием производственных ресурсов (Thara, 2008). Согласно данным национального обзора сельских районов в Китае, управляемые женщинами фермы в Китае, по крайней мере, столь же прибыльны, что и фермы, управляемые мужчинами (Zhang, De Brauw and Rozelle, 2004).

В некоторых исследованиях проводится сравнение не урожайности, а производительности труда, но и их результаты согласуются с выводами о том, что различия в урожайности объясняются более низким использованием производственных ресурсов. При равном использовании производственных ресурсов производительность труда занятых в сельском хозяйстве женщин в Бангладеш, по крайней мере, так же высока, как производительность труда работников-мужчин (Rahman, 2010). Исследования

производительности труда при производстве пальмового масла в Индонезии (Hasnah, Fleming and Coelli, 2004), риса в Непале (Aly and Shields, 2010) и овощей в Турции (Bozoglu and Seyhan, 2007) показывают, что при учете различий в отношении доступа к ирригационным системам и сортам семян женский труд, по крайней мере, столь же продуктивен, что и мужской труд.

Рост объема производства в результате ликвидации гендерного разрыва

Данные свидетельствуют о том, что в случае преодоления связанных с гендерными факторами различий и получения женщинами-фермерами равных урожаев с мужчинами-фермерами может быть достигнут существенный рост объема производства. Показатели потенциального роста невозможно подсчитать с точностью из-за отсутствия необходимых данных; однако, можно представить их разумный диапазон на основе разрыва в урожайности, который был выявлен в приведенных выше исследованиях, а также на основе площади обрабатываемых угодий под управлением женщин.

Как отмечалось выше, исследования в среднем оценивают разницу в урожайности между фермерами-мужчинами и фермерами-женщинами в 20–30%, причем большинство из них относят эту разницу за счет более низкого использования производственных ресурсов. Хотя большинство из этих исследований относятся к странам, расположенным к югу от Сахары, в главе 3 приводятся документальные данные об аналогичных разрывах в отношении производственных ресурсов во всех регионах. Поэтому разумно предположить, что подобный диапазон разрывов в урожайности существует и в других регионах. Ликвидация разрыва в использовании производственных ресурсов на сельскохозяйственных землях, занимаемых женщинами, может привести к росту урожайности на их землях до уровня, достигнутого мужчинами. Это будет означать 20–30-процентный рост объема производства на их землях, а также увеличение показателей на национальном уровне, пропорциональное площади земель, контролируемых женщинами. Это приведет к увеличению объема сельскохозяйственной продукции в развивающихся странах, по которым имеются данные, в среднем

¹² Некоторые исследования не могли полностью объяснить различия в урожайности, получаемой мужчинами-фермерами и женщинами-фермерами, поскольку они не рассматривали все различия в области ресурсов, с которыми сталкиваются женщины (Zavale, Mabaye and Christy [2006], Uaiene and Channing [2009], and Lilja, Randolph and Diallo [1998]).

на 2,5–4%¹³. Если предположить, что разрывы в производственных ресурсах и урожайности характерны и для других развивающихся стран, можно заключить, что будет получен глобальный прирост аналогичных масштабов.

Разумеется, вычисленный по данной методике потенциальный рост объема производства основан на существующем распределении земли и предположительном 20–30-процентном разрыве в урожайности. Это означает, что в странах, где женщины управляют пропорционально большими земельными участками, может быть достигнут наибольший потенциальный прирост. Однако, возможно и то, что общий гендерный разрыв в отношении доступа к сельскохозяйственным ресурсам, по сути, больше там, где под управлением женщин находятся меньшие земельные участки. Фактические преимущества от ликвидации гендерного разрыва в доступе к ресурсам будут выше в тех странах, где наблюдается большой гендерный разрыв. В таком случае расширение доступа женщин к земле и дополнительные производственные ресурсы приведут к более масштабным социально-экономическим выгодам, чем те, что представлены в данном анализе.

Следует признать, что такой подход позволяет получить лишь очень приблизительные оценки, но они указывают на то, что ликвидация гендерного разрыва в уровне производительности может привести к существенному росту объема сельскохозяйственной продукции в развивающихся странах. Рост объема продукции также предполагает улучшение в отношении наличия продовольствия и снижение уровня недоедания. В соответствии со стандартной методологией, используемой ФАО для оценки числа людей, страдающих от недоедания, производится подсчет средней ежедневной

энергетической ценности рациона питания, доступного для потребления в каждой стране, и применительно к каждой стране учитываются критерии распределения, а также энергетические потребности на душу населения (подробности см. ФАО, 2002). Люди, оказавшиеся ниже этого минимального порога, считаются хронически недоедающими. Внутреннее производство продуктов питания является ключевым компонентом обеспечения энергетической ценности рациона питания, поэтому - при условии, что дополнительная продукция, полученная в результате ликвидации гендерного разрыва, будет потребляться внутри страны - ликвидация гендерного разрыва могла бы оказать непосредственное влияние на сокращение числа людей, страдающих от недоедания.

Подставив вычисленный выше потенциальный рост объема выпускаемой продукции в формулу оценки числа людей, страдающих от недоедания, можно получить приблизительную оценку того, как ликвидация гендерного разрыва в области сельского хозяйства может способствовать сокращению масштабов голода. Если ликвидировать 20–30-процентную разницу в урожайности и увеличить внутренний объем производства на 2,5–4%, то число недоедающих людей в тех странах, по которым имеются данные, может уменьшиться на 12–17%¹⁴. По оценкам на 2010 год, 925 миллионов людей в мире страдают от недоедания, причем 906 миллионов из них приходится на развивающиеся страны (ФАО, 2010г). Таким образом, положительные результаты такого масштаба могут выразиться в сокращении числа голодающих людей на 100–150 миллионов. В тех странах, где голод более широко распространен, а женщины играют важную роль в сельскохозяйственном секторе, такое пропорциональное снижение числа голодающих может быть еще больше.

Этот потенциальный рост объема выпускаемой продукции будет лишь начальным, прямым результатом. Со временем более высокая производительность приведет к дополнительным последствиям, таким как увеличение спроса фермеров на рабочую силу, а также на товары местного производства и услуги (Hayami *et al.*, 1978; ФАО, 2004). Дополнительный объем выпускаемой продукции может привести к снижению

¹³ Существуют данные о сельскохозяйственных собственниках-женщинах в 52 странах. Методология расчета потенциальной прибыли исходит из определения объема выпускаемой продукции (Q) как урожайности (Y), умноженной на площадь (A), $Q = Y * A$. Далее, в случае 20-процентного разрыва в производительности, предположим, что урожайность у женщин-фермеров составляет лишь 80% от урожайности у мужчин, т.е. $Y_f = 0.8 * Y_m$. (Обозначения f и m обозначают женщин и мужчин, соответственно.) Теперь пишем $Q = Y * A$ как $Q = Y_f * P * A + Y_m * (1 - P) * A$, где P обозначает долю земли, обрабатываемой женщинами-фермерами. Решаем эту задачу для Y_m и затем используем формулу $Y_f = 0.8 * Y_m$, чтобы получить Y_f . Если предположить, что гендерный разрыв в производственных активах ликвидирован, определяем Y_f как равное Y_m и находим новый уровень объема выпускаемой продукции, Q*.

¹⁴ Данные как о доле сельскохозяйственных собственников-женщин, так и о числе людей, страдающих от недоедания, имеются по 34 странам.

цен на сырьевые товары, в зависимости от реагирования спроса и степени открытости торговли. Большинство домохозяйств в развивающихся странах, в том числе в сельской местности, являются чистыми покупателями продовольствия и выигрывают от падения цен на основные продукты питания. С другой стороны, могут пострадать доходы фермеров, если рынки не получат достаточного развития, чтобы справиться с дополнительными поставками.

Другие социально-экономические преимущества в результате ликвидации гендерного разрыва

Помимо роста объема производства и доходов, ликвидация гендерного разрыва в сельском хозяйстве даст и более широкие социально-экономические преимущества, укрепив непосредственный доступ женщин к ресурсам и доходам, а также их контроль над ними. Данные из Африки, Азии и Латинской Америки неизменно показывают, что укрепление положения и власти женщин в домохозяйстве идет на пользу семье. Рост контроля над доходами укрепляет позиции женщин в принятии экономических решений в отношении потребления, инвестиций и производства. С усилением женского влияния на экономические решения их семьи начинают выделять большую часть доходов на продукты питания, здравоохранение, образование, детскую одежду и питание детей¹⁵. Именно по этой причине программы социальной защиты во многих странах теперь ориентированы на женщин (Вставка 8).

Большое количество исследований связывает доходы женщин и укрепление их позиций в семье с улучшением режима питания детей, что в свою очередь сказывается на состоянии их здоровья и уровне образования (Smith *et al.*, 2003). Данные, полученные на Филиппинах, стали одним из первых свидетельств того, что увеличение в домохозяйствах доли доходов, полученных женщинами, вносит положительный и существенный вклад в потребление продуктов питания в домашнем хозяйстве (García, 1991). Эти данные были подкреплены доказательствами из Бразилии, которые показали, что доходы

матерей оказывают большее влияние на показатели уровня питания детей, чем доходы отцов, и что женщины тратят значительно больше на образование, здравоохранение и бытовые услуги (Thomas, 1997). В домохозяйствах расширенных семей в Мексике воздействие увеличения семейного дохода на питание детей зависит от того, кто получает доход; более высокий заработок любой женщины в домохозяйстве – не только матерей – оказывает существенное положительное воздействие на питание детей, но этого не происходит, когда получателями доходов являются мужчины (Djebbari, 2005). Более поздние данные из Малави подтверждают, что увеличение доступа женщин – но не мужчин – к кредитам сопровождается увеличением общих расходов домохозяйства на продукты и повышением долгосрочной продовольственной безопасности маленьких детей-девочек (Hazarika and Guha-Khasnobis, 2008).

Наличие особо острого гендерного неравенства в Южной Азии помогает объяснить – по крайней мере, отчасти, – почему уровень недоедания среди детей в этом регионе вдвое выше, чем в странах Африки южнее Сахары (Smith *et al.*, 2003). Действительно, несмотря на то, что Южная Азия превосходит страны Африки, расположенные к югу от Сахары, в плане национального дохода, демократии, снабжения продовольствием, здравоохранения и образования, она все еще отстает по показателям недоедания среди детей. Это явление получило название “азиатской загадки”, где положение женщин, санитария и урбанизация оказались ключевыми факторами в сокращении пробелов в состоянии питания детей. Новые данные из Бангладеш подтверждают, что в долгосрочной перспективе состояние питания детей лучше в тех домохозяйствах, где в большей степени обеспечиваются права и возможности женщин (Bhagowalia *et al.*, 2010).

Обеспечение большего равенства между мужчинами и женщинами в отношении доступа к возможностям и отдаче с активов не только улучшает питание, здоровье и образование, но может оказывать и долгосрочное воздействие на экономический рост за счет развития человеческого капитала в обществе¹⁶.

¹⁵ В число важных исследований в этой области входят: Behrman and Deolalikar (1988), Behrman and Wolfe (1989), Kennedy and Peters (1992), Kennedy and Haddad (1994), Hoddinott and Haddad (1995), Thomas (1997), Haddad (1999), Katz (2000), Quisumbing and Maluccio (2000), Smith *et al.*, (2003), Doss (2005).

¹⁶ В число важных исследований в этой области входят: Dollar and Gatti (1999), Klasen (2002), Knowles, Lorgelly and Owen (2002), Kalaitzidakis *et al.* (2002), Lagerlöf (2003), and Klasen and Lamanna (2009).

ВСТАВКА 8

Ориентация трансфертных платежей на женщин с целью обеспечения социальных льгот

Программы обусловленных трансфертов являются одним из видов программ социальной защиты, который предусматривает перевод денежных средств или предоставление льгот в натуральной форме в целом малоимущим домохозяйствам при условии, что эти домохозяйства сделают определенные инвестиции в формирование человеческого капитала на благо своих детей. Такие льготы часто ориентированы на женщин в качестве получателей платежей, поскольку имеющиеся данные свидетельствуют о том, что они более склонны, чем мужчины, уделять первоочередное внимание питанию детей. Обычно рассматриваются такие виды инвестиций, как вклады в здравоохранение - т.е. в до- и послеродовое медицинское обслуживание, медицинские обследования или посещение клиник – и в образование. Такие инвестиции, как правило, измеряются уровнем охвата и посещаемости. Программы обусловленных трансфертов быстро завоевали популярность в развивающихся странах. После того, как первая такая программа, *Oportunidades* (ранее известная как *PROGRESA* – Программа образования, здравоохранения и питания), была введена в Мексике в 1997 году, они распространились по всему миру, и теперь во всех развивающихся регионах есть какие-либо действующие программы обусловленных трансфертов, хотя они и преобладают, в основном, в Латинской Америке.

Программы обусловленных трансфертов могут использоваться как прямо, так и косвенно для решения проблем гендерного неравенства. За исключением нескольких школьных программ, в подавляющем большинстве случаев получателями пособий являются матери. Этот выбор основан

на неопровержимых доказательствах того, что когда женщины и матери контролируют большую долю доходов домохозяйств, семьи тратят большую часть своего бюджета на образование, питание и/или обеспечение благополучия своих детей. Последующие оценки программ обусловленных трансфертов подтвердили, что дело обстоит именно так: их воздействие на структуру расходов выходит за рамки простого увеличения доходов за счет платежей, поскольку домохозяйства-получатели увеличивают расходы на продукты питания (Schady and Rosero, 2008) и тратят сравнительно большую часть доходов на более питательные продукты (Macours, Schady and Vakis, 2008).

Предполагаемая, но важная идея, лежащая в основе этих программ, заключается в том, что, адресуя пособия матерям, они укрепляют позиции женщин в процессе принятия решений внутри домохозяйств. Некоторые программы обусловленных трансфертов также успешно оказывают целенаправленное воздействие непосредственно на гендерное неравенство. В Бангладеш и Пакистане действуют программы, содействующие набору девочек в государственные учебные заведения. Программа помощи ученицам средних школ в Бангладеш предоставляет стипендии посещающим среднюю школу девочкам в возрасте от 11 до 18 лет, в то время как в Пакистане Программа реформы в секторе образования в Пенджабе обеспечивает предоставление стипендий для посещения школы девочками в возрасте 10–14 лет. Обе программы сильно преуспели в увеличении набора учащихся: по оценкам Khandker, Pitt and Funta, (2003), первая программа увеличила набор девочек на 12%, в то время как вторая, согласно оценке Chaudhury and Parajuli (2010), - на 11%.

Ликвидация гендерного разрыва способствует экономическому развитию, в основном за счет влияния образовательного уровня женщин на рождаемость, детскую смертность и развитие человеческого капитала в следующем поколении. Через некоторое время падение рождаемости может привести к тому, что Bloom и Williamson (1998) назвали “демографическим подарком”. Рост населения трудоспособного возраста будет превышать рост остальной части населения, снижая уровень зависимости и тем самым способствуя экономическому росту на душу населения.

Исходя из того, что талант распределяется поровну между мужчинами и женщинами, верно также и то, что ликвидация гендерного разрыва в доступе к возможностям расширит резерв талантов, что опять-таки будет способствовать повышению качества человеческого капитала, имеющегося в наличии среди трудоспособного населения. Эти исследования роста страдают от обычных ограничений: невозможно определить направленность причинной связи; вероятно и то, что более высокие темпы роста заставляют страны сокращать гендерное неравенство, расширяя экономические права и возможности женщин. Тем не менее, суть заключается в том, что ликвидация гендерного разрыва в отношении возможностей в сфере образования и трудоустройства могло бы способствовать долгосрочному росту.

Главные тезисы

- Деятельность женщин-фермеров абсолютно столь же эффективна, что и деятельность мужчин-фермеров, но они производят меньше сельскохозяйственной продукции, потому что под их управлением находится меньше земли, они используют меньше производственных ресурсов и имеют меньший доступ к таким важным службам, как службы по распространению знаний и опыта.
- Ликвидация гендерного разрыва в доступе к производственным ресурсам и использовании этих ресурсов и служб могло бы высвободить производительный потенциал женщин и существенно увеличить выпуск продукции. Ликвидация разрыва могла бы увеличить объем сельскохозяйственной продукции в развивающихся странах в среднем на 2,5–4%, причем большие достижения возможны в тех странах, где женщины больше вовлечены в сельское хозяйство и где наблюдается большой гендерный разрыв.
- Рост объема сельскохозяйственного производства в таких масштабах может уменьшить число недоедающих людей на 12–17% и будет означать существенный прогресс в деле достижения задачи 1С в рамках ЦРТ. Это подчеркивает существующее взаимодействие между обеспечением гендерного равенства и сокращением масштабов крайней нищеты и голода.
- Когда женщины получают контроль над дополнительным доходом, они тратят большую его часть, по сравнению с мужчинами, на продукты питания, здравоохранение, одежду и образование для своих детей. Это положительно сказывается на непосредственном уровне благосостояния, а также на долгосрочном формировании человеческого капитала и экономическом росте за счет улучшения здоровья, питания и образования.